

- 5 См.: Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С.Голубцова. Т. 2. М., 1985. С. 130.
- 6 О влиянии поэмы Лукреция на ранний период творчества Горация см.: Merrilli W.A. On the influence of Lucretius on Horace // The Classical Philology. 1905. Vol. 1. N 4. P. 118 sqq.
- 7 Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С.Голубцова. Т. 1. М., 1985. С. 320.
- 8 См.: Степанов В.Г. К проблеме композиции поэмы Лукреция // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. С. 98.
- 9 Чекалова Е.И. Философская поэма Лукреция "О природе вещей": Автореф. канд. дис. Л., 1974. С. 8.
- 10 Там же. С. 12-13.
- 11 Покровская Э.А. Античный философский эпос. М., 1979. С. 58.
- 12 Так, вероятно, понимает его Вергилий, завершающий книгу II "Георгики" подобным образом (см.: G., II, 540).
- 13 См.: Q. Horatii Flacci opera omnia / Ed. J.M.Gesner. Londini, 1821, ad locum.

А.К.Гаврилов

LANATI PEDES И ПОЗДНЕЕ ВОЗМЕЗДИЕ БОГОВ
(Petr., Satyr., 44; Hor., Satyr., III, 2, 31 sq.)

В произведениях Горация, притом не только в "Сатирах", но и в "Одах", любителю Петрония бросаются в глаза как бы семена поэтических идей, выражений, иногда целых сценочек "Сатирикона". Отмечавшаяся давно близость Горациевой "Сатиры" II, 8 и атмосферы глав "Сатирикона", рассказывающих о пире у Трималхиона, несомненна и поучительна.¹ Нетрудно заметить, однако, и более любопытные случаи литературного воздействия Горация на Петрония. Как мы постараемся показать ниже, слова *di pedes lana-*

tes habeat из гл.44 "Сатирикона" можно толковать уверенней именно с помощью предположения о мощном влиянии образов Горация на Петрония и его современников.

В речи Ганимеда (Satyr.,44) говорится о римлянах стародавних времен: Antea stolatae ibant nudis pedibus in clivum, passis capillis, mentibus puris, et Iovem aquam exorabant. Здесь примечательно сходство в выражениях с Горацием (S.,I,8,23 sqq.): vidi eomet nigra succinctam vadere palla | Canidiam pedibus nudis passoque capillo | Cum Sagana maiore ululante. Сопоставление это тем поучительнее, что делает более вероятным наличие и без того угадываемой у Петрония иронии, которая, впрочем, имеет иную, чем горацианская, природу: молодой Гораций с изысканной италийской грубостью смеется над суеверием; Петрония больше увлекает мастерство сказа, наблюдение со стороны за психологией нового социального слоя — людей весьма зажиточных, но далеко не образованных.

Теперь посмотрим на соседний пассаж из только что пригодившегося нам текста Горация. В начале той же сатиры (I,8, 12 sqq.) встречаем описание размеров надгробного памятника наряду с упоминанием об отсутствии прав на его наследование; чуть ниже высказан страх перед осквернением места последнего упокоения (ст.38). Невзирая на свою укорененность в римском быте (соответствующие надписи читались, как известно, на многих римских надгробиях), это подробность все-таки сильно напоминает то, что упоминается в разговоре о памятнике в гл.71 "Сатирикона". При сопоставлении становится отчетливо виден комизм эсхатологического самообустройства Трималхиона: гробница его, конечно, велика по фасаду, но еще замечательнее ее глубина; вместо соотношения 1000:300 футов в огромном братском захоронении у Горация, личная усыпальница Трималхиона будет иметь размеры 100:200 футов. Глубина погребального сооружения, как видим, пространственно выражает идею Трималхиона о том, что загробное существование много продолжительнее земного, и хороший хозяин должен основательно о нем позаботиться.

Примечательный случай использования оды Горация (Satm.,

1,28) для переработки в сцену романа обнаруживается, на наш взгляд, в гл.115 "Сатирикона". Момент драматический: после бури Энколпий видит выброшенное на берег тело, в котором узнает своего недавно еще опасного врага — Лихаса из Тарента. Давая Энколпию риторически богатую речь, не лишенную кое-где настоящего чувства, Петроний показывает вопиющую непредсказуемость последнего — мотив, как будто бы, характерный именно для Арбитра. И все-таки при сравнении с Горацием заметно, что перечень опасностей, отовсюду угрожающих человеческой жизни, навеян одой I,28. В той же главе заметны и другие влияния Горациевой оды на лирический монолог Энколпия. Ведь значительная часть горацианского стихотворения построена как обращение к знаменитому математику Великой Греции, другу Платона Архиту, а кончается ода просьбой некоего утопленника покрыть его горсткой земли. Таким образом, как у Горация, так и у Петрония в сопоставляемых текстах есть утопленник, есть тарентинец, есть переживание всевластия смерти над сколь угодно значительной личностью. Требованию покрыть тело незнакомого утопленника хотя бы тремя пригоршнями земли у Петрония соответствует краткий и сильный рассказ о том, как герой почти по-братски погребает тело своего врага. Этот нравственный мотив совершенно не зависит от Горация и весьма примечателен для Петрония, но это уже другой вопрос.

Труднее сказать, является ли дополнительным признаком влияния посвященной великому математику оды рассудительность Лихаса, которая несколько раз как нарочно принимает весьма наукообразный вид (полемика о снах — гл.106, ср. гл.104; выявление логических трюков в адвокатском красноречии Эвмола — гл.107; выделение критерия, или, можно сказать, *rimatum saliens* в акте идентификации Энколпия — гл.105). Если мы не имеем дело с иллюзией, эту черту Лихаса стоило бы учитывать при сюжетной реконструкции романа.

Выразительный пример превращения слегка намеченного мотива Горация в сценку "Сатирикона", как будто бы прямо вырастающую из сюжета романа (гнев Приапа на Энколпия), находим в гл. 132. По всей видимости, сам автор ощущал сценку

нам характерную для себя и кое в чем новаторскую, судя по выражению *novae simplicitatis opus* в стихах, которые ее замыкают. Между тем беседа героя с той частью тела, "которую люди более серьезного склада обычно вообще не принимают к сведению", очевидным образом вдохновлена не столько пародированием Вергилия, который непристойно переосмысливается в той же главе 132, сколько подражанием Горацию (S., I, 2, 68-72), который в нескольких стихах наметил поэтическую идею такого рода тяжбы.

Уже из этих примеров видно, сколь значительно, разнообразно и непринужденно было влияние Горация на Петрония. Это положение пригодится нам при анализе истории упомянутого выше выражения из гл. 44 "Сатирикона", к анализу которого мы переходим.

В малограмотной и чарующе яркой речи изобличая цинизм управляющих и индифферентизм управляемых, вольноотпущенник Ганимед нападает на религию как на единственный источник нравственности и подходит к высшей точке своих воззрений (Petr., Satyr., 44 sub finem): *Itaque dii pedes lanatos habent, quia nos religiosi non sumus. Agri iacent...*² Дальнейшее как невыносимое по безнужности и по банальности не дает нам дослушать Эхион, представитель народной мысли более колочего свойства (гр. *ἐχίονος, ἐχίδνα*) — как положено художнику, Петроний подбирает не однозначно говорящие, но суггестивные имена.

В целом мысль Ганимеда понятна. Отказ людей от почитания богов вызывает немилость последних, а следствие такой немилости — беды в жизни людей, например, засух. Труднее определить, как именно связаны с засухой *lanati pedes* богов. При анализе этого выражения, которым, как увидим, немало занимались, нам решительно поможет Гораций и связанная с ним античная филологическая традиция.

Текст Петрония в интересующем нас месте серьезно не оспаривался. И если *editio Patavina* (ed. princ., 1664 читала) *lanatos*, а П. Бурманн, или Бурман (старший) приписывал *lanatos* изобретательности Н. Гейнсия, то это было мимолетное заблуждение; последующие издатели признают *lanatos* рукописным чтени-

ем трогирского кодекса (cod. Traguriensis, ныне Paris. lat., 7989), в составе которого дошла до нас Петрониева *Sena*. Правда, рукописное предание "Пира" то и дело показывает свою ущербность,³ однако применительно к *dii pedes lanatos habent* (далее d.p.l.h. или l.p.) нет не только внешних признаков порчи, но имеется стороннее свидетельство, подтверждающее аутентичность этих слов в тексте Петрония.

Поскольку оно необходимо для подтверждения этой мысли и впрямь еще не раз нам понадобится, приведем рассуждение Порфириона-филолога, жившего, как считают, в III в. н.э. По поводу знаменитого стиха Горация из второй римской оды (Carm., III, 2, 31) *tae antecedentem scelestum / deseruit pede Foena claudere* Порфирион замечает (перевод наш): "Это ближе всего к тому речению, по которому у прогневленных богов ноги в шерсти (*deos iratos pedes lanatos habere*), ибо иногда они поздно приходят к преступникам (*tarde veniunt nocentibus*). Потому сказано "Кара с хромою ногой" и утверждается о ней, что она редко бросает идущего впереди злодея: этим поэт хочет сказать, что вряд ли не будет достигнут тот, за кем действительно водится вина".⁴

Для понимания толкований, высказанных в новое время о занимающем нас месте из Петрония, важно иметь в виду еще одно античное свидетельство, а именно упоминание обсуждаемого нами речения у эрудита Макробия, писавшего, но-видимому, на рубеже IV-V вв. н.э. В его посвященных римским древностям "Сатурналиях" есть такой пассаж (Macr., Saturn., I, 8, 5, в нашем переводе)⁵: "Насчет того, почему самого Сатурна можно видеть повязанным, Веррий Флакк признается в своем незнании. Ну а мне вот что приводит на ум чтение Аполлодора. Аполлодор говорит, что Сатурн в течение года связан шерстяными узлами (*alligari... laneo vinculo*), а в праздник — это у него в декабре месяце — его от них освобождают; откуда и пошла пословица, что у богов ноги шерстяные (*deos laneos pedes habere*). Означает это, что до десятого месяца плод растет в утробе, чтобы получить жизнь, а пока не явился на свет, храним нежными узлами природы". Как увидим далее, рассуждение Макробия немало затруднило понимание речения d.p.l.h.

Известные нам толкования нового времени можно разделить на две категории, из которых первая (А), имея ряд разновидностей (А 1-4), характеризуется тем, что божественное наказание, о котором говорит вольноотпущенник, состоит в отказе богов от помощи — боги не приходят к людям и, не смягчая их бед, тем самым наказывают смертных за провинности. Но почему у таких богов ноги в шерсти? и в каком именно смысле? На это комментаторы Петрония и исследователи латинской фразеологии давали различные ответы, к обзору которых мы приступаем, чтобы затем взвесить каждый.

Ноги богов (А 1) как бы повязаны шерстяными повязками, какие можно наблюдать в культе Сатурна и других богов; боги в некотором роде скованы, и потому не идут к людям с помощью. Склоняющиеся богам освобождают их от уз, и тогда те приходят на помощь к благочестивым. В этом смысле в начале XVIII в. высказывался упоминавшийся уже П.Бурманн:⁶ *lanati pedes sunt quasi constricti laneo vinculo, quo non adiuvare impediuntur, donec in sacris pedes eorum solvantur, i.e. donec cultu nostro exorentur.*

Эта разновидность толкования представлена и в наиболее авторитетных словарях латинского языка — в старом Форчеллини⁷ и незаконченном Тезаурусе (далее — *ThLL*).⁸ В последнем со всей осторожностью принято то же объяснение: *pedes lanati i.q. lana impediti, ut videtur, incertum qua ratione.* О занимающем нас выражении как о пословице *ThLL* говорит под словом *laneus*.⁹ Разделяет это понимание и новейший Оксфордский словарь латинского языка.¹⁰ В этом же духе толковал *d.p.l.h.* и исследователь латинской фразеологии А.Отто.¹¹

Таким образом, в разбираемом понимании перед нами некий не вполне прозрачный фразеологизм, первично как-то связанный с культовыми древностями, что явно навеяно упоминанием у Макробия. Примечательно, что *lanati* (Петроний, Порфирион) и *lanei* (Макробий) воспринимаются как более или менее равноценные варианты, причем *lanei* истолковано в духе *lanati*, чтобы хоть как-то приблизиться к семантике пут на ногах (ср. *legati*).

Иное решение (А 2) предлагают те, кто, напротив, считают, что *lanati* следует понимать в смысле *lanei*; здесь оказывается, что у богов "шерстяные", т.е. слабые (мы бы сказали, "ват-

ные"), ноги. При этом толковании боги не приходят оттого, что не желают утруждать себя помощью недостойным людям. Речь здесь, хотя и фигурально, идет о некоей расслабленности божественных ног, т.е. по сравнению с А 1 — о чем-то внутреннем; с культовыми древностями связи уже нет; перед нами идиома, где *lanati* и *lanei* — варианты, но теперь с перевесом в сторону *lanei*. Из исследователей, высказавшихся в этом смысле, назовем А.Эрну и Э.Марморале,¹² которые приводили французские и итальянские выражения типа *avoir les jambes au coton*, *avoir les pieds à dentelle*, *avere piombo ai piedi et sim.* Разумеется, это решение, как и А 1, отражено во многих переводах.¹³

Л.Фридлендер, прямо отвергая А 1, считал, что выражение принципиально неясно, как многие фразеологизмы, а намекало, по всей видимости, на что-то вроде подагры.¹⁴ Это решение напоминает известную шиллеровскую "хирагру" провидения, однако сам Фридлендер ссылается на Марциала (I,98). Решение Л.Фридлендера (разновидность А 2) разделяет и Г.Шнур¹⁵; П.Перроша¹⁶ приводит А 1 и А 2 как альтернативные толкования; Дж.Алессо,¹⁷ напротив, отвергает А 2, склоняясь скорее в сторону А 1.

Третья разновидность толкования того, почему боги отказывают в помощи, ставит акцент на том, что представлено было и у некоторых защитников А 1-2, но в более резкой форме: решение сугубо идиоматично и ключи к его постижению потеряны (А 3). Особенно отчетливо это прозвучало у А.Отто или в *ThLL* — непроницаемость фразеологизма подтверждается тем, что уже древние (будто бы) признавали его загадочным, а потому — *ignotus et ignorabilis*.

Оригинальную версию в ходе обсуждения доклада автора на эту тему высказал А.И.Зайцев (А 4): поскольку говорится о засухе, и тут же упоминается шерсть, не идет ли речь о так называемом *Διὸς κώδιον*? Шкура принесенного в жертву животного использовалась бы тогда самими богами ради сбора — в духе Книги Судей 6, 37-40 — драгоценной влаги, и при том, по всей видимости, для самих себя.

Как можно убедиться при обзоре мнений о *d.p.l.h.*, одни исследователи оспаривают других; иные, напротив, стараются считать несовместимые по существу позиции; иные вообще отказ-

ваются занять позицию — например, М. Смит в его, впрочем, весьма ценном, труде.¹⁸ Против А I следует сказать, что в этом толковании очевидно несколько механическое влияние Макробия, хотя последний больше, пожалуй, нуждается в комментариях, чем комментируемое им выражение. Ведь упоминание *lanai p.d.* в "Сатурналиях" естественно возводит к тексту Петрония; по отношению к временам Макробия роман давно стал римской классикой. Об этом, против высказываемого иногда мнения, свидетельствуют многочисленные и самый тон цитат из Петрония у поздних римских эрудитов. Кроме того, Макробий прямо упоминает Арбитра (*Сомм.*, I, 2, 8), и чувствуется, что он не только читал его, но и старался понять дух его творчества. Наконец, любопытно и то, что в той же гл. 44 "Сатирикона" упоминаются сатурналии (ср. гл. 58 и 69 *sub fin.*), что способно было бы привлечь эрудитское вдохновение автора "Сатурналий". В то же время *lanai* вместо *lanati* и отсутствие признаков Петрониева контекста несколько ограничивают уверенность в том, что Макробий знает *d.p.l.h.* только или прежде всего из Петрония.

Макробий сообщает, что заглядывал в сочинение Веррия Флакка, крупного ученого эпохи Августа; по-видимому, Макробий имеет в виду Верриеви *Fasti*. Упоминал ли Веррий Флакк *l.p.d.*, или что-нибудь близкое к этому выражению? Ответ на этот вопрос было бы очень важно знать тому, кто хочет представить себе историю этого речения, но ответить на него трудно. Из слов Макробия видно, что у Веррия он нашел какое-то недоумение насчет Сатурна и шерстяных повязок, то налагаемых на его статую, то с нее снимаемых.

Что касается Аполлодора, то, несмотря на допущение противного в упомянутых выше высказываниях Форчеллини и Фридлендера, совершенно неправдоподобно, чтобы греческий филолог П в. до н.э. давал объяснение интересующего нас латинского речения, между тем как о греческом его варианте ничего не слышно (слова *ἑρῖου*, *πόκος*, *ἀξύνη* и их производные не дают ничего, даже отдаленно напоминающего *d.p.l.h.*). Макробий, несомненно, не имеет в виду приписанную Аполлодору позже мифологическую "Библиотеку", послужившую источником сохранившегося до нашего времени компендия Псевдо-Аполлодора, где, судя по компендию, и не

могло быть занимающих нас подробностей о Кроне.¹⁹ Автор "Сатурналий" почти наверное и в I, 8, 5 подразумевает многократно используемое им сочинение Аполлодора "О богах" (*Saturn.*, I, 20, 4; I 7, 19 с полной ссылкой), которое было родственно ему по духу как попытка рационализации традиционных рассказов о богах.²⁰ Что же касается латинского выражения, то его к анализу обсуждавшегося у Аполлодора и затем у Веррия Флакка вопроса о Сатурне в узах привлек, по-видимому, сам Макробий, чтобы заодно пояснить откуда-то знакомое ему речение *d.p.l.h.*, хотя главное для него — объяснить шерстяные повязки, снимаемые со статуи Сатурна в конце декабря.

В самом деле, естественно предположить, что у Аполлодора речь шла о толковании *Κρόνος* через *Χρόνος* и о шерстяных повязках, употребление которых в каком-нибудь греческом культе Крона Аполлодору, по-видимому, было известно; мысль, что снятие повязки со статуи Крона символизирует исполнение времени, также, кажется, в духе Аполлодора. Эта идея удивительно подошла римскому толкователю, который добавил от себя как *d.p.l.h.*, так и "декабрь" — месяц Сатурналий. Ведь декабрь (*decembris*) означает "десятый (месяц)", и вызволение из уз в этом месяце как бы прообразует освобождение от бремени — не забудем, что древние говорили именно о десяти месяцах вынашивания младенца женщиной (примеры: *Ge1.*, III, 16).

Это означает, что мы возводим к Аполлодору не все те и не только те части Макробиева пассажа, какие выделил для этого Ф.Якоби, оставивший Макробию "декабрь", что несомненно, и будто бы вытекающий из римского названия месяца мотив пребывания в утробе матери и освобождения оттуда — последнее не обязательно; непременно римской является лишь комбинация специфически римского названия месяца Сатурналий и рока вынашивания ребенка. И напротив: *d.p.l.h.* Ф.Якоби возводит к греческому филологу, в чем мы никак не можем за ним последовать. Что касается предполагаемого у нас хода мысли Аполлодора, то она находится в согласии с общим выводом Р.Прайффера: "В его (Аполлодора) богословии природа божества раскрывается через анализ имени".²¹

Разумеется, тем способом, какой демонстрирует здесь Ма-

кробий, нельзя объяснить ни языковое творчество, ни культовую практику, однако для глубокомысленных писателей, каким был Макробий, сильной кажется как раз слабая герменевтика, когда материал едва оказывает сопротивление постигающей его мысли.

Откуда бы ни происходило у Макробия речение *d. laneos p. h.*, для того материала, с которым он имел дело, *lanei pedes* ему приходилось понимать в смысле *lanei compedes*. Не упустим из виду, что говорит он об этом вокольза и так неотчетливо, что возникает сомнение, связывал ли он вообще сколько-нибудь определенный смысл с приведенным попутно выражением. А ведь античные филологи умели указывать на часто неожиданный денотат фразеологических словосочетаний различных типов — иначе нам трудно было бы догадаться, что *ταῦτά σοι Πύθια καὶ Δῆλια* указывало на близкую смерть, а *ὑραϊκὸς πύρη* — всего лишь на лень.²² И если Макробий полагает, что *d. laneos p. h.* некое идиоматическое речение, то применительно к толкованию последнего у него намечилось, по-видимому, нечто близкое к тому, что у нас выступает как А 1. Понятно, что конструкция Макробия документирует только его (в этом пункте весьма рассеянную) мысль, а о фактах латинской речи говорит мало. Макробиево упоминание *d. p. l. h.* намечает и датирует обозначенное нами как А 1 толкование, но отнюдь не подкрепляет его.

То, что *lanei* кое-как согласуется только с А 2, а *lanati* — с А 1 и что их взаимозаменяемость не следует преувеличивать (ср. пары типа *augens / augatus*), элементарно, но ни Макробий, ни последовавшие за ним толкователи этого как будто не осознают. Конечно же *laneus* относится к (внутренней) природе, а *lanatus* — к чему-то характеризующему их извне. А раз уж объяснять надо прежде всего вариант Петрония/Порфириона (хотя бы как более древний), а значит, *lanatos*, а не *laneos*, то уже это изобличает известную ущербность А 2. Что касается А 1, то непонятно, как же это и надевание уз, и снятие их в праздники в полном соответствии с требованиями благочестия указывало бы на ситуацию, где речь идет о вопиющем неблагочестии? И могло ли наличие шерстяной повязки знаменовать собою скованность божества? Апотропейческое назначение шерстяных повязок в культе, как кажется, мало отвечает такому предположению.²³

Кроме того, и скованность богов (А 1), и их слабость (А 2) не отвечают общим представлениям греческой религии о мощи божества. Конечно, гротескные выражения встречаются у Петрония даже в применении к богам: *coleum Iovis tenere* (если следовать великолепному рукописному чтению в *Satyr.*, 55); ср. *inflatae buscae* гневавшегося Юпитера у Горация (*S.*, I, 1, 20sq.). Иначе говоря, А 1 имеет изъяны в символическом, а А 2 — в лингвистическом отношении.

Что касается скептически-уклончивого А 3, то этот вариант нехорош тем, что бездоказательно спешит преувеличить иррациональность, древность и вместе расхожесть изучаемого выражения. Между тем материал, как мы видели, вовсе не соответствует этому представлению. Традиция наша, правда, очень неполна, однако бедность свидетельств об употреблении какого-либо словосочетания менее всего является доказательством его идиоматичности.

Против А 4, которое привлекательно своей оригинальностью, говорят, нам кажется, следующие соображения: *Δίδς κώδιον* у греков не связывается, сколько нам известно, со сбором росы, имея в культе иное назначение.²⁴ Кроме того, в разбираемом нами речении говорится о ногах, причем *pedes* еще определеннее, чем русское "ноги", ассоциируются со ступнями; тем настойчивее шерсть, в которую они укутаны, ассоциируется с обувью, а не с одеждой.

Напоследок приведем общее соображение, которое следует адресовать ко всем перечисленным разновидностям анализируемого нами толкования *d. p. l. h.* (А 1-4): слабость богов доведена здесь до предела, мыслимого разве что в древней аттической комедии, где боги попрошайничают у преуспевающих людей (*Ag. Av.*, 1200 sqq., 1494 sqq.; *Plut.*, 1097 sqq.). Между тем боги Петрониевых вольноотпущенников и значительнее, и грознее, несмотря на отважно применяемые к ним иногда непочтительные выражения или шуточки вроде игры с именем *Liber Pater* в гл. 41. Так, Ганимед начинает свою речь с проявлений гнева Юпитера (*ut illis Iuppiter iratus esset*); опасение прогневить богов или Гения кого-либо из беседующих части в

"Пире" (Satyr., 25, 37, 53, 58, 74; ср. 57). Упоминание силы, участия или гнева богов встречается в "Пире" не однажды (Satyr., 44 - неоднократно; 47, 52, 58 - дважды, 60; ср. 104, 106, 115, 125, 134, 139). А рядом с интересующим нас выражением тот же Ганимед прямо высказывает опасение, что боги не скалятся над людьми (si nec dii nec homines huius coloniae miserentur), раз уж отказ от почтения к богам дошел ныне до крайности (nemo... caelum caelum putat... nemo Iovem pili facit...).

Напрашивается мысль, что отсутствие помощи богов было бы в этой ситуации - особенно в глазах Ганимеда - слишком мягкой мерой наказания. Хотя отсутствие помощи богов и гнев их иногда упоминаются в "Пире" рядом (так, в гл. 58 отказ богов в помощи обрамлен упоминаниями божьего гнева), гораздо естественнее представить себе, что боги будут мстить, и мстить грозно... А потому надлежит нам отнестись внимательно ко второму способу толкования d.p.l.h. (B): боги вот-вот придут; их ноги окутаны шерстью, благодаря чему грозное их приближение не слышно виновным, позабывшим о божеском возмездии из-за медлительности.

Это толкование также высказывалось с давних пор и неоднократно. Старшим его представителем в новое время был, по-видимому, болонский гуманист Филипп Беральд Старший (1453-1505). В передаче Роб.Этьенна, Беральд, считавший экзегезу, lex commentandi, краеугольным камнем филологии, высказался об интересующем нас пассаже Петрония следующим образом: Verum enimvero qui dixit Deos pedes lanatos habere, verissime dixit. Lento enim gradu et in solo vestigio ad fontes puniendos progrediuntur.²⁵ То же толкование признавали предпочтительным авторитетнейшие в XIX в. латинисты-лексикологи К.Э.Георгес²⁶ и Р.Клотц²⁷; изданный под редакцией Мариана Плезе латинско-польский словарь;²⁸ И.Х.Дворецкий, который прямо следует Георгесу.²⁹ Как мы уже упоминали, Форчеллини высказывал и это толкование, химерически соединяя его с А 2. Мы помним и то, что такие авторитетные исследователи, как Отто и Фридендер, не соглашаясь друг с другом в положительном решении, сходились на том, что толкование неубедительно и не применимо к Петрониеву тексту.

Действительно, в этом случае не приходится говорить о совершенно незатейливом смысле речения d.l.p.h. Высказывается прежде всего, что боги со своей карой приходят неслышно, а главное при этом подразумевается - в конце концов боги все-таки творят возмездие. В смысле общего контекста гл. 44 "Пира" это дает, нам кажется, преимущество: за отказ от благочестия грозит злая расплата. Однако ход мысли может показаться сложным, и, наверное, именно это расхолаживало многих исследователей.

Защищая толкование (B), необходимо прежде всего признать, что толкование это античное: ведь схолий к Hor., Satm., III, 2, 31, который мы уже приводили, исходит именно из этого понимания. Как и подразумеваемое в схолии Порфириона соотнесение с Горациевой хромой Карой, слово irati показывает, что Порфирион понимает речение d.p.l.h. именно в смысле, который мы обозначили как (B). Сопоставление Горация и Петрония у Порфириона делает, таким образом, толкование (B) древнейшим из засвидетельствованных, что увеличивает авторитетность последнего, но само по себе, конечно, не решает вопроса.

Действительно ли при этом понимании чересчур лаконична формулировка d.p.l.h. в речи Ганимеда? И вправе ли был автор ожидать ясного и легкого восприятия со стороны читателя?

Обратимся сперва к идее позднего возмездия богов, которую предполагает за d.p.l.h., как и за Hor. Satm., III, 2, 31, толкование (B). В греческой литературе эта идея представлена, начиная с древнейших памятников, и нашла свое выражение едва ли не во всех жанрах.³⁰ У Гомера (Il., 4, 160-168) сказано с угрозой: ἔκ τε καὶ ὄψε τέλει... τὸ μὲν ἔσβεται οὐκ ἄτληστα. Гесиод подробно (Op., 240-285) говорит о божеской правде; у него видны уже и приметы защиты ее от скептической критики, т.е. теодицея. В частности, Гесиод разрабатывает концепцию наследственной вины, которую можно считать подвидом позднего возмездия богов (Op., 244 сл., 260 сл., 268, 273, 284 сл.). Феогнид (от. 197-208) не только чувствует проблему, но решается высказать сомнения в наследственной вине как в убедительном средстве для обоснования теодицеи; это уже не то, что у Солона (Solo, 1, 25 sqq.).³¹ У Эсхила, как это естест-

венно для театра с трагической виной и трилогической разработкой связанных сюжетных комплексов, идея позднего возмездия существенна как в этическом, так и в драматургическом плане (Agam., 58: ὑστερόποινος Ἐρινός; cf. Choe., 382; 648: χρόνῳ)

Богато разработана поздняя кара богов и у Еврипида, как в сохранившихся трагедиях, так и во фрагментах.³² Характерно, что Еврипид не столько драматургически использует мотив, сколько старается глубже осмыслить проблему. Так, он приходит к теологеме о медлительности божества (Or., 420): μέλλει, τὸ θεῖον δ' ἐστὶ τοιοῦτον φύσει. Примечательно, что Плутарх оценил эту мысль, включив ее в качестве первой цитаты в свой трактат — "О позднем возмездии богов" (De sera numinis vindicta 548d). Та же мысль отразилась в изречениях, вошедших в пословицу. Одно из них: ὄφε θεῶν ἀλέουσι μύλοι, ἀλέουσι δέ λεπτά (Adv. Mathem. I, 287; ср. De sera numinis vindicta 549d; то же с незначительными вариантами в сборнике греческих пословиц³³). Другое крылатое выражение на ту же тему: Ζεὺς γὰρ κατεῖδε χρόνιος εἰς τὰς διφθέρας (ср. рус.: Бог слышит, да не скоро скажет и др.).

Для Петрония и Горация, как их объединил Порфирион, нам нужны, впрочем, не просто карающие боги, но и пластическая характеристика их прихода. В русле персонализирующей и аллегоризирующей поэтики (εἰδωλοποιεῖσθαι, ἀνειδωλοποιεῖν) ради сообщения наглядности этически важным представлениям то и дело вводятся образы, связанные со способом передвижения. У Аты = Ослепления — ноги настолько легкие (Il., XIX, 90 sqq.) что люди, по головам которых она ходит, не скоро ее замечают (ср.: Theogn., 327 sq.). У детей Проклятия из старинного оракула (Nat., VI, 86) нет ни рук, ни ног; Эриния, способная появиться всегда и везде, ходит незримо (ἡεροφῶτις Ἐρινός: Il., IX, 571; XIX, 87; ср. S., fr. 519, Nauck и др.).

О том, как она ходит, говорили разное. Иногда ее шаги громки и грозны (S., El., 49: Χαλκὸς βους)³⁵. Но есть и другой, особенно интересный для нас, образ: позднее ее приближение в тишине и молчании (Solo, 3, 15: σιγῶσα... εὐνοῖδε, χρόνῳ... ἦλθε). Этим образом Еврипид дорожил. Минуй fr. 493 Nauck (ἄναυδος Δίκη), укажем на fr. 979, где перед тем, как нас-

тичь преступника, та же Дика выступает εἴγα καὶ βραθεῖ ποδί. Еще ярче, пожалуй, стих из "Троянок" (Tro., 884 sqq.): δι' ἀφόρου βαίνων κελεύθου... δίκην ἄγεις, где Зевс ведет Правду "по беззвучному пути". В этих случаях медлительность и неслышность оказались сопряжены с поступью карающей Правды. Это та самая манера, которую Аристофан доводит до абсурдно звучащего χρόνου ποῦς и, приписав его Еврипиду, над обоими потешается (Ran., 100, 310 sq.).

Не будем умножать примеры из греческих текстов.³⁶ Отметим лишь, как разнообразны возможности в таких, как будто бы холодных, приемах, как персонализация и аллегория. Принцип аналогии, существенный для разработки этих приемов, не удовлетворяя поэзию своей принужденностью, а науку — произвольностью, все-таки необходим для человеческой мысли. Как раз античная поэзия свидетельствует о том, что спорадическая символизация деталей, связанных с какой-либо сферой общественной жизни (в занимающем нас случае — это ходьба, обувь), оставаясь традиционной, но и обновляясь, может быть доходчивой, смелой и запоминающейся. Так, например, определение ἀπέδιλος, опираясь на обычай разуваться на время отдыха, символизирует то незамедлительность действий (ср. ἔζωστος — Hes., Or., 343 и εὐζωστος), в частности, готовность помочь (A., Pr., 152), то безупречную отвагу (Alcm., 1, 15),³⁷ а то и паническое бегство (Hes., S., I, 2, 132).

Различны и эмоциональные коннотации таких символов. Медленная поступь Кары страшна громыханием; но и в тихой — медленной и долго не слышной или, как у Горация, хромой Каре есть нечто наводящее ужас. Это в некотором роде усугубление наказания: здесь не виновный прячется от Кары (Theocr., X, 17), а она от него, чтобы потом, когда тот, быть может, о ней забудет, явится к нему вдруг во всей своей неумолимости. Тут боги не только безразличны, не только сильны, но проявляют такой гнев, который делает их Кару похожей на месть, что граничит уже со старинным мотивом так называемой зависти богов (E., fr. 223 Nauck).³⁸ В угадываемой здесь муке ожидания со стороны преступника чувствуется присутствие совести; ведь без сознания вины самим преступником эти образы теряли бы дейст-

венность, а пристрастие к ним древних поэтов — существенное основание.

Мотив позднего возмездия богов, выраженный через символ их тихой поступи, представлен и в римской литературе. Не останавливаясь на идее в общем виде (Cic., Mil., 83-86; Seneca, Con., X, 6), задержимся на занимающей нас разновидности. У Тибулла даже в полусерьезной сфере любовных перипетий находим угрозу (I, 9, 4): *vera tamen tacitis poena venit pedibus*. Это золотой век. А вот век серебряный: Валерий Максим с его сочинением *Factorum ac dictorum memorabilium L.IX*, опубликованным, по-видимому, в 30-е годы I в. н.э., в довольно близком хронологическом соседстве с Петронием. В главе, посвященной богохульству и святотатству Дионисия Сиракузского, за которое расплатился позже его сын, говорится (I, 1, ext. 3): *lento enim gradu ad vindictam sui divina procedit ira tarditatemque supplicii gravitate pensat*.

Образ тихого приближения богов к преступнику-жертве был, как видим, весьма распространен и в греческой, и в римской литературе и, следовательно, без труда понятен читателю Петрония. Обратившись к словам *lanati pedes*, которые, напротив, больше не встречаются в памятниках латинской речи, мы заметим, что в латинском языке фразеосхема³⁹ "нога (рука, зуб и т.д.) + какой-нибудь эпитет" в аблативе была характерным средством выражения не столько признаков, сколько разнообразных обстоятельств. Взять примеры с *pes* из одного Горация: *pede libero, barbaro, candido, nudo, iniurioso, (in) certo, fausto, altano*⁴⁰ и др. Были и более идиоматичные словосочетания вроде *dextro pede* (команда) или *pedibus inlotis*, т.е. без необходимых приготовлений (Gel., I, 9, 8). У Лукреция (Lucr., 5, 272-6, 638) как будто даже неосторожно сказано о речных водах, что они текут *liquido pede*. Однако если сравним эти слова со стихом столь чувствительного к слову Горация (Brod., 16, 47 sq.), то увидим, что здесь, по всей видимости, имело место семантическое ослабление роли второго элемента. Это приводит на ум латинское *mente* из длинного ряда подобных фразеосхем, перешедшее в романских языках в продуктивный словообразовательный элемент, служивший адвербализации.⁴¹ Это положенке вещей дает нам некоторое основание для

того, чтобы предположить, что сочетание *pedes lanatos habere* в смысле "действовать или приближаться украдкой" (ср. рус. "тихой сапой") не сочинен Петронием *ad hoc*, а взят из речи тех слоев, за которыми наблюдал этот внимательный писатель.

Что касается реалий, то л.р. ассоциировались, конечно, не с волосатым, косматым или мохнатым существом (ср. *villosus, saetosus, hirsutus*), а с тем, кто обут в обувь на меху (ср. *soleae lanatae* — Mart., XIV, 65) или, лучше, хотя и менее отчетливо, — "со ступнями, окутанными в шерсть"; *pedes pelliti* превосходно подходили бы семантически, однако ассоциации получались бы чересчур звериными или варварскими.⁴² А уж каким именно образом окутаны ноги, это однозначно не разъясняется, но читателю некогда, и если *lanato pede* было фразеологизмом, ни к чему задаваться такой мыслью.⁴³ Отдаленным прообразом могли послужить манипуляции Гермеса, стремящегося запутать свои следы (Nupn. Nom. in Merc., 75 sqq., 219 sqq., 285, 342 sqq.).⁴⁴

При допущении уже готового, народного фразеологического словосочетания л.р.н. или *lanato pede ire et sim.* станет ничуть не перегруженным выражение из речи Ганимеда, которое мы разбираем. В афоризме Петрония новое содержалось бы тогда разве что в применении известного фразеологического сочетания в сентенции, воспроизводящей популярно-философский мотив (ср. имя Хрисиппа, подставленное в фразеосхему "ни пяди назад от..") в приведенном нами чуть выше Цицероновском философском трактате). Такое предположение объясняло бы, с одной стороны, *dicitur* у Порфириона, чьими указаниями не стоит, наверное, пренебрегать, а с другой — то обстоятельство, что д.р.л.н. у Порфириона все-таки очень похоже на цитату из Петрония. Порфирион, нам думается, знал д.р.л.н. из "Сатирикона" и понимал его из Петрониева контекста, но чувствовал его связь со стихией народной речи, которую несколько переоценил, положив тем самым начало восприятию всего речения как поговорки. Гомеотелевт *iratos / lanatos*, появившийся у Порфириона, не чужд латинским изречениям (ср. эпикурейскую поговорку о боли, *dolor: si gravis brevis, si longus levis* — Cic. Fin. 2, 7, 22; *ubi uber, ibi tuber* — Apul., Flor., 18)⁴⁵, однако здесь он,

надо думать, возник случайно: слово *irati* уместно у толкователя, но афоризм портит бы неартистичная обстоятельность.

Можно, однако, и пренебречь этими соображениями и считать, что сочетание *d.p.l.h.* целиком сочинено Петронием. Тогда рождение этого афоризма происходило так: авторское создание фразеологического сочетания *pedes lanatos habere* в смысле "передвигаться неслышно", а параллельно этому влияние энергических персонификаций Горация, утверждавшего в торжественных одах мощь и благодать божественных сил с тем большим, кажется, азартом, чем меньше он в них веровал, когда не находился в столь же ларическом состоянии духа. Взгляды Горация на эти вопросы, как известно, трудно соединить в цельную картину,⁴⁶ — впрочем, иначе и не может быть, когда мы имеем дело с истинным поэтом. Любопытно, что, несмотря на легкомысленное обличие "придуманных любовных перипетий" Петрония (*ficti casus amatorum* — *Macr.*, *Comm.* I, 2, 8), богословие его на деле, пожалуй, менее скептически, чем горацианское; мы не удивились бы, если бы Арбитр более, чем Флакк, втайне благоговел перед божественным миропорядком. Но сейчас для нас существенна не персоналистическая правда об обоих поэтах, а связь между образами, которые ими созданы.

Особенно важны для нас те из них, в которых Гораций облек Неизбежность с ее решительной поступью и медной рукой (*Sarm.*, I, 35, cf., III, 16), с "алмазными криками", которыми скреплено то, что она скрепила (*Sarm.*, III, 24, 5). Близка к ней и хрестоматийная, по крайней мере в отношении поэтических средств изображения, Смерть, громыкаккая равно в дворцах и хижинах (*Sarm.*, I, 4, 13: *pallida Mors aequo pulsat pede...*). Обе соединены в стихах (*Sarm.*, I, 3, 32): *semotique prius tarda necessitas leti corripuit gradum*. Кара за преступление наступает незамедлительно (*Sarm.*, IV, 5, 24: *culpa Poena premit comes*) или позже, чем ожидалось, — тут мы возвращаемся к тому стиху, который приведен в связь с *d.p.l.h.* уже Порфирионом (*Sarm.*, III, 2, 31 sq.): о хромой Каре, которая редко⁴⁷ оставляет преступника, за коим она следует.

Нехотребимо-классическое воплощение старинных культурных идей у Горация было оценено и до того, как прошли 2000 лет; не

зря Петроний говорит о "загадочной удачливости" Горация (*Satur.*, 118: *Horatii curiosa felicitas*). Дав своему герою вспомнить римский босоногий обряд моления о дожде (*Nudipedalia*), Петроний в полном согласии с контекстом, но и под влиянием Горация создает сентенцию, которая выражает идею позднего возмездия богов в подходящем к его произведению стилизаторском духе. Из старых элементов получается нечто новое. Перед нами образец ставшего почти тризмом воздействия поэзии золотого века на прозу века серебряного, однако воздействие это, как видно на разобранном примере, к подражательности отнюдь не сводится.

Возникшая в "Сатириконе", хотя имевшая долгую смысловую и, возможно, лингвистическую предысторию, сентенция начинает жить, поддерживаемая чтением увлекательного романа; со временем она попадает к комментатору Горация, отметившему в ней (мы имеем в виду *dicitur* Порфириона) то ли народный элемент (который допускаем и мы), то ли популярность в качестве цитаты. Не исключено, что ставшее крылатым слово Петрония приводилось и еще в каких-нибудь текстах, хотя необходимости предполагать это нет. Во всяком случае к началу V в. оно начало размываться как по смыслу, так и по форме, что можно наблюдать в упоминании *d.p.l.h.* у Макробия: грамматическая форма ведет как будто к Петронию или Порфириону, а вместо *lanatos* стоит уже вносящее неясность *lanos*;⁴⁸ смысл вроде бы не изменился решительно,⁴⁹ но разрезан до опасного предела. Впоследствии эти доставшиеся от античности разнородные и разноголосые реплики, достаточные как для заблуждения, так и для догадок об исторической правде, перебираются благодаря пресстиху римских классиков — в первую очередь Горация с Вергилием — в традицию нового времени, где опять варьируются веками. *κοινή γὰρ γαῖς, κοινὸς κίνδυνος*.

Примечания

¹ Вызывает удивление, что весьма богатая петрониевская библиография (см.: Schmelting G.L., Stuckey J.H., *A Bibliography of Petronius*. Leiden, 1977) выявляет лишь четыре статьи об отношении Горация и Петрония, где рассматривается главным образом прямое упоминание Горация в "Са-

тириконе" (Satyr., 118) и общее сходство Петрониева "Цира" с Hor., S., II, 8.

2 Опираемся здесь на издание, подготавливающее ценную текстологическую и комментирующую работу над "Сатириконом", преданную в XVII-XVIII вв.: Petronii Arbitri Satyricon ex rec. Burmanni; notas crit. add. C.G. Anton. Lipsiae, 1781. - Если не стечется противное, текст "Сатирикона" цит. у нас по изд.: Petronius. Satyricon / Lateinisch-Deutsch von K. Müller und W. Ehlers: 3. Ausg. München, 1983.

3 Мы имеем в виду испорченный текст близости от d.l.p.h. (C.44): ridebant ut dii tamquam mures. Филологи, не желавшие представить себе римских матрон похожими сразу и на богов, и на мышей, общими усилиями пришли к весьма правдоподобному ridebant udi (по другим: uvidi) tamquam mures или к промежуточному варианту: ridebant udi t.m.

4 Pomponii Porphyrii Commentum in Horatium Flaccum / Rec. A. Holder. Ad Aeni Fontem, 1894. P. 90, 1.19-24.

5 Ambr. Theod. Macrobiani Saturnalia / Ed. I. Willis: 2d ed. Lipsae, 1970. Vol. 1.

6 Petronii Arbitri Satyricon ex rec. Burmanni. P. 214.

7 Forcellini Aeg. Lexicon totius Latinitatis / Ed. F. Corradini. Patavii, 1871. Vol. 3, s.v. lanatus, laneus. - Объяснение d.l.p.h. соединяет толкование, о котором мы говорим сейчас (A 1), с тем, о котором пойдет речь ниже (B), причем их разнородность не осознается.

8 Thesaurus linguae latinae. Lipsiae, 1973. Vol. VII, 2 fasc. 7 col. 916 sq. s.v. lanatus (Heine).

9 Ibid., col. 920 s.v. laneus (Heine).

10 Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford, 1983, s.v. lanatus: the gods are slow to aid.

11 Ottob. A. Die Götter und Halbgötter im Sprichworte // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik / Hrsrg. von E. Wölfflin. Leipzig, 1886. 3 Jg. S. 207-209.

12 Pétro. Le Satiricon. Texte établi et traduit par A. Ernout. Paris, 1922; 7me éd. Paris, 1970; Petronii Arbitri Cena Trimalchionis, a cura di E. Marmorale. Firenze, 1961. P. 60.

13 Petronius. The Satyricon / Translated with introduction and notes by J.P. Sullivan. London; Baltimore, 1984: "...the gods nowadays keep feet well wrapped up".

14 Petronii Cena Trimalchionis / Mit deutscher

Übersetzung und erklärenden Anmerkungen von L. Friedländer. Leipzig, 1906. S. 261 f.

15 Petronius Satyricon / Übersetzt und erläutert von Harry C. Schnur. Stuttgart, 1982. S. 52, 210.

16 Pétro. Le festin de Trimalcion. Commentaire exégétique et critique par P. Perrochat: 3me ed. Paris, 1962. P. 90.

17 Alessio G. Napax legomena ad altre cruces in Petronio. Napoli, 1960-1961. P. 224 (s.v. pedes lanatos).

18 Petronius. Cena Trimalchionis / Ed. M.S. Smith, with critical apparatus and commentary. Oxford, 1975. P. 113.

19 Компендий Псевдо-Аполлодора: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972 (о Кроне - кн. 1, 2, 1). - Анализ сочинений Аполлодора дает P. Pfeiffer (Pfeiffer R. Geschichte der klassischen Philologie / Von den Anfängen bis zum Ende des Hellenismus. München, 1978. S. 307 ff., 316-321; ср.: Jacoby F. Fragmente der griechischen Historiker. London, 1962. 2B, S. 753-761; далее - FGrHist.).

20 Münz R. De Apollodori Περὶ θεῶν libri: Diss. inaugur. Bonnæ, 1883. P. 14 sqq. - Предположения P. Münz о влиянии этого сочинения Аполлодора на Макробия так же и в ряде мест, где источник не указан, впоследствии подтвердились новыми данными (Pfeiffer R. Geschichte der klassischen Philologie. S. 317).

21 FGrHist, 1929, 244 Apollodor F 118; Kommentar, 1962, S. 770f; Pfeiffer R. Geschichte der klassischen Philologie. S. 318.

22 Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Lipsiae, 1935. Π = 3128: εὐχῆτα; - ср.: 1928, Pars I, Γ = 499: ἐπι τῶν ἀρῶν et sim.

23 Eitrem S. Opferritus und Vorpfer der Griechen und Römer. Kristiania, 1915. S. 18. - Как ни объяснять факт широкого использования шерсти в культе, ясно, что шерстяные повязки связаны с повышенной сакральностью момента, а не с лишением богов свободы.

24 Suidae Lexicon. Lipsiae, 1931. Pars II. Δ = 1210: Διὸς κώδιον. Во время ритуального очищения тот, кто подвергался ему, ставил одну ногу на шкуру животного, принесенного в жертву богам (Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines. Paris, 1892. Vol. II. P. 265 / E. Pottier 3). Весьма обстоятельно трактует Διὸς κώδιον M. П. Нильсон (Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1955. Bd. I. S. 110-113, 396 f., 657). Однако сколько-нибудь настойчивого указания на употребление шерсти ради сбора влаги в засушливом регионе у M. П. Нильсона в свидетельствах не видно. На наш взгляд, влажная шерсть ассоциировалась бы у грека прежде всего с попыт-

кой обмануть покупателя (Suidae Lexicon. 1931, Pars II: E = 2997: ἐρίοπλικὸς πετοικῆς).

25 Roberti S t e p h a n i Thesaurus Linguae Latinae / Accesserunt nunc primum H. Stephani Rob. Filii annotationes autographae. Basileae, 1741. T. III, s.v. lanatus. - К процитированному у нас в тексте объяснению Р.Этьенна Этьенн-сын заметил: sed puto potius laneos pedes dictum fuisse.

26 G e o r g e s K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1855. Ed II, s.v. lanatus: d.p. l.h. sprichw., kommen wie auf Wollsocken, d.h. unerwartet, zur Sache. - Под словом laneus находим другой вариант речения, тоже как пословицу. К.Э.Георгес продолжал лексикографическую традицию XVII в., участвуя с 20-х годов XIX в. в переиздании старых словарей.

27 Handwörterbuch der lateinischen Sprache / Hrsg. von R. Klotz. 1. Ausgabe. Braunschweig, 1847-1857, s.v. lanatus.

28 Słownik łacińsko-polski / Red. M. Plezi. Warszawa, 1969. Vol. III, s.v. lanatus. - D.p.l.h. получает пояснение: 'znienaska przychodzi'.

29 Д в о р е ц к и й И. X. Латинско-русский словарь: 1-е изд., М., 1949; 2-е изд., М., 1976, s.v. lanatus. - Характеристика d.p.l.h. полностью воспроизводит то, что процитировано нами выше из словаря Георгеса.

30 К сожалению, остался недоступным для нас труд Э. Клостера: K l o s t e r m a n n E. Späte Vergeltung (=Schriften der wissenschaftlichen Gesellschaft zu Strassburg. Bd XXVI). Strassburg, 1916.

31 Д о в а т у р А. И. Наследственная вина в представлении Солона, Феогнида, Эсхила // Язык и литература античного мира. Л., 1977. С. 36-45. - Перепечатано в кн.: Д о в а т у р А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 102-113.

32 R i e d w e g Chr. TrGF, 624-A Euripidean Fragment // Classical Quarterly. 1990. New Ser. Vol. XL, N 1. P. 124-136 (в статье подобран еврипидовский материал в целом).

33 Corpus Papyrologorum Graecorum / Ed. E. L. A. Leutsch-Schneidewin F. G. Göttingen, 1851. Bd 2. App. IV, 48.

34 Ibid. I, 87, 248; II 70.

35 D a v i d s o n J. F. Sophocles. Electra, 489-491 // Annali della scuola Normale Superiore di Pisa. Ser. III. 1986. Vol. XVI. N 4. P. 973-976 (с литературой). - На наш взгляд, автор справедливо задичает рукописное $\chi\alpha\lambda\kappa\beta\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ применительно к Эринии у Софокла. Список близких по смыслу и по функции композитов, приведенный в его статье, бесповоротно решает этот вопрос.

36 Из авторов, близких по времени к Петронию (так называемый петрониевский вопрос представляется нам надуманным), лобопытен Иосиф Флавий как мыслитель, связанный с разнообразными культурными традициями (BJ, VII, 2, 5).

37 G a r g i u l o T. Alcmene fr. I, 15 Page: ἀλ[έ]δ[ι] - λογ ἀλκῆ // Quaderni Urbinati di cultura classica. 1980. Nuova Serie. Vol. 5. P. 29-36.

38 Д о в а т у р А. И. Новострочательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 116.

39 М о к и е н к о В. М. Славянская фразеология. М., 1980. - Привлекательность для нас терминологии автора основана на сочетании описательного начала с систематическим охватом культурных ареалов, с одной стороны, и изощренным историзмом, с другой. Учитывали мы также наблюдения М. Свободы: S w o b o d a M. De proverbiiis a Cicerone adhibitis. Torun, 1963. S. 57 sq. (pes).

40 В o D. Lexicon Horatianum. Hildesheim, 1966. Vol. II, s.v. pes.

41 Контексты, породившие переход это о mente (abl.) в $\sigma\tau\rho\mu\alpha\tau$, превращающий прилагательное в наречие, хорошо видны в словаре Oxford Latin Dictionary (s.v. mens) под значением (8) "frame of mind, attitude". Например: terram minitanti mente ruebant tauri (Lucr., 5, 1325).

42 Выражение pellis lanata (у Скрибония Ларга (Larg. 80)) показывает, что pellis означало шкуру (т.е. то кожу, то мех), а lana - только шерсть. Покрывая тонкорунных овец шкурами, берегли их шерсть (ovae pellitae: Var., R., 2, 2, 18). Шерстяное ассоциируется с мягкостью, комфортом, заботой.

43 О специальной обуви $\kappa\omicron\upsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ см. в кн.: B r e c h e r K. Das griechische Schuhwerk. Würzburg, 1914. S. 12; - ср.: H e s y c h i i Alexandrini Lexicon. Rec. K. Latte. Naupliae, 1966. K = 3516, s.v. $\kappa\omicron\upsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$.

44 Такое сопоставление в беседах с автором на эту тему сделал С. А. Завьялов. Он же пробовал разобраться в источниках стиха Мандельштама "Не услышать в меха обутой тени" из стихотворения "Возьми на радость из моих ладоней..." Нам казалось несомненным то, что Петрониев "Пир" источником лирической идеи Мандельштама быть не мог. Как справедливо заметил С. А. Завьялов, упомянутый мотив у Мандельштама встречается не только в этом стихе (взять хотя бы сочетание "где шерсть и тишина" из четверостишия "В хрустальном омуте какая крутизна!"). Поэтому, не желая расхолаживать тех, кто считает нужным искать античный источник образа, заметим, что какое-нибудь описание бесшумного движения теней или крадущихся людей могло повлиять и на Петрония, и на Мандельштама; но правдоподобнее, нам думается, сопоставление оных авторов с различными звеньями единой, многовековой и развивающейся традиции.

45 Обзор пословичных речений, использованных у Цицерона (S w o b o d a M. De proverbiis a Cicerone adhibitis. S. 45-111), показывает, что рифмовка в них, хоть и редко, но встречается.

46 О проблеме религиозности Горация, которая иногда кажется неразрешимой, говорил в 1989 г. на коллоквиуме в Турку австрийский специалист по истории античной религии В.Пётшер. Публикация доклада ожидается.

47 В словечке *garo*, хотя его и можно понимать как литотес, виден, как нам кажется, скептик, с трудом преодолевающий свой сомнения; в "Одах", особенно в высоких одах, Гораций стремится следовать положительному направлению, но и здесь оно дается ему с трудом.

48 В книге В.М.Мокиенко о славянских фразеологизмах различных типов имеются яркие случаи порчи, казалось бы, вполне понятных выражений, например, "довести до белого каления" (Мокиенко В.М. Славянская фразеология. С. 136; ср. С. 129). Остроумные догадки филологов о нелепых искажениях во фразеологизмах приведены в конце статьи К.Руппрехта об античных пословицах (R u p p r e c h t K. *Προστίχαι* // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1949. Bd XVIII, 4. Sp. 1735).

49 Нечто подобное, изначально менее, а со временем более, чем *d.p.l.h.*, связанное с фразеологией, мы наблюдали на греческой шутке о счастливых-леонтинцах, неизменно сидящих за кратерами... Этны (G a v r i l o v A. *Die Leontiner Trunkenheit* // *Erans*. 1986. Vol. 84. S. 127-132).

Н.Д.Численко

PROLECTIONES HORATIANAE ПЬЕРА ШАБО -
ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ
ТВОРЧЕСТВА ГОРАЦИЯ

В истории европейской культуры заметное место принадлежит поэзии Горация. Как явление европейской культуры заслуживает внимания и история горациеведения. К сожалению, по истории ранней горацианы нет специальных исследований. Мы немного знаем даже о ренессансной горациане, хотя Возрождение было эпохой огромного интереса к венецианскому поэту. Вершиной ре-

© Н.Д.Численко, 1992